

Лариса Лазаревна Альбина ВОЛЬТЕР и «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ» РИШЕЛЬЕ

Французский ежегодник 1967

М.: Наука. 1969. С.251-259

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

«**П**олитическое завещание» кардинала Ришелье имеет свою особую судьбу в исторической литературе. В науке найдется не много случаев, когда источник такого первостепенного значения вызвал бы столь длительную дискуссию ¹.

Интерес к этому произведению можно объяснить тем, что его автором является крупнейший государственный деятель, теоретик и практик абсолютной монархии во Франции XVII в.² В «**Политическом завещании**» Ришелье подвел итоги своей деятельности, изложил политическую программу, отражавшую основные принципы политики абсолютизма.

«**Политическое завещание**» было опубликовано впервые в 1688 г. в Амстердаме издателем — протестантом Анри Дебордом по одной из рукописных копий ³. Это издание имело громадный успех: за один год вышло пять тиражей ⁴. Всего до 1740 г. «**Политическое завещание**» выдержало семнадцать изданий ⁵.

Несмотря на успех, сразу же после выхода в свет первого издания встал вопрос о подлинности «**Политического завещания**». Первыми высказались историки, давшие этому произведению противоречивые оценки. Наиболее резкий отзыв о «**Политическом завещании**» дал Антуан Обри, официальный биограф Ришелье и автор многих работ по истории его правления ⁶. Обри подверг критике форму «**Политического завещания**»,

¹ R. Pithon. A propos du testament politique de Richelieu.— «Revue suisse d'histoire moderne», t. VI, 1956, p. 177—214; J. Engel. Zur Frage der Echtheit von Richelieu's «Testament politique».— «Aus Mittelalter und Neuzeit». Festschrift G. Kalten. Bonn, 1957, S. 185—218; J. H. Brumfit. Richelieu's Testament politique. «Voltaire historian». Oxford, 1958, p. 147—160; E. Esmonin. Sur l'authenticité du Testament politique de Richelieu.— «Etudes sur la France des XVII et XVIII siècles». Paris, 1964, p. 219—232.

² Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648). М.—Л., 1948, стр. 616.

³ «Testament politique d'Armand du Plessis, cardinal duc de Richelieu... A Amsterdam, chez H. Desbordes, 1688. Jn—8°, [12], 360.

⁴ R. Mousnier. Le Testament politique de Richelieu. (A propos d'un livre récent).— «Revue historique», v. 201, 1949, p. 55.

⁵ «Testament politique du cardinal de Richelieu». Edition critique publiée avec une introduction et des notes par Louis André et une préface de Léon Noël. Paris, 1947, p. 70.

⁶ A. Aubery. Histoire du cardinal de Richelieu. Paris, 1660; «Mémoires pour l'histoire du cardinal de Richelieu, depuis l'an 1616 jusqu'à la fin de 1642». Paris, 1667, и др.

указал, что оно написано сухо, доктринерски, что в нем излагаются общие вопросы церковной юрисдикции, более уместные в исследованиях юриста, чем в размышлениях государственного деятеля⁷. Оценка Обри оказала влияние на современников. Мишель Левассор и Жан Леклерк высказали сомнения в подлинности «Политического завещания», не выдвинув, однако, никаких серьезных аргументов в защиту этого взгляда⁸.

Наоборот, члены Французской академии, воздавая хвалу ее основателю, восторженно отзываясь о его личных качествах как покровителя литературы и искусства, приходили к выводу о подлинности «Политического завещания». Жан де Лабрюйер писал: «Тот, кто совершил столь великие дела, мог либо вообще никогда не писать, либо должен был писать так, как он (Ришелье. — Л. А.) это сделал»⁹.

Однако и положительная и отрицательная оценка «Политического завещания» в то время была еще бездоказательной и во многом зависела от отношения автора к личности и деятельности кардинала Ришелье. «Приводимые аргументы не могли служить базой для серьезных дискуссий, поскольку никто не изучал проблему глубоко»¹⁰.

Научная дискуссия в полном смысле этого слова началась только с выступления Вольтера. В нее были втянуты, благодаря его активности многие видные писатели XVIII в. (Монтескье, Фонсемань, Менар). Дискуссия нашла отражение в наиболее известных литературных произведениях и в письмах крупнейших общественных деятелей эпохи Просвещения (переписка Дидро, Гримма, Рейналя, «Секретные мемуары» Башомона и т. д.). Она касалась важнейших вопросов научной критики исторического источника — авторства, стиля и языка произведения, происхождения, достоверности рукописных копий и т. д. Poleмика вокруг «Политического завещания» помогает, таким образом, в какой-то степени охарактеризовать состояние исторического источниковедения во Франции XVIII в. и, в частности, подход Вольтера к изучению и оценке исторических источников.

С 1739 по 1777 г. Вольтер неоднократно возвращался к «Политическому завещанию» в письмах, исторических, философских и литературных произведениях, критических и полемических заметках, оспаривая без устали подлинность этого источника. Первый намек на подложность «Политического завещания» Ришелье содержался в письме Вольтера его другу, знаменитому французскому грамматiku Жозефу д'Оливе¹¹. Открыто с доказательством подложности «Политического завещания» Вольтер выступил впервые в статье «Советы журналисту»¹², в которой он указал, что «Завещание» было напечатано через 30 лет (!) после смерти кардинала по рукописной копии, непонятно каким образом попавшей к издателю; он уделил внимание форме и стилю этого произведения, отличным от формы и стиля других известных сочинений Ришелье¹³.

Письма и первая статья Вольтера остались без ответа: на его критику «Политического завещания» никто не откликнулся. Дискуссия разверну-

⁷ A. A u b e r y. Histoire du cardinal Mazarin, t. III. Amsterdam, 1718, p. 337. Первое издание «Истории кардинала Мазарини» вышло в Париже в 1688 году.

⁸ M. L e v a s s o r. Histoire du règne de Louis XIII, roi de France et de Navarre, t. VIII, livr. 40. Amsterdam, 1712, p. 125, 225—227, 229—230; J. L e c l e r c. La vie du cardinal de Richelieu. Cologne [Amsterdam], 1695.

⁹ J. d e L a B r u y è r e. Discours de réception à l'Académie française.— Oeuvres complètes, t. II. Paris, 1693, p. 458.

¹⁰ R. P i t h o n. Op. cit., p. 178.

¹¹ V o l t a i r e. Oeuvres complètes, v. I—LII, Paris, Garnier, 1877—1885, v. XXXV, p. 146 (письмо от 29.I 1739 г.). Далее: V o l t a i r e. Oeuvres.

¹² V o l t a i r e. Conseils à un journaliste.— Oeuvres, v. XXII, p. 258—261.

¹³ Ibid., p. 259—260.

лась в полную силу лишь спустя 10 лет, после выхода в свет новой статьи Вольтера — «О напечатанных подделках»¹⁴. Поводом к ее написанию было появление в 1749 г. в Париже сборника, в котором «Политическое завещание» Ришелье оказалось в окружении действительно подложных «Завещаний» Кольбера, Лувуа и герцога Карла Лотарингского¹⁵. Статья «О напечатанных подделках» чрезвычайно важна для характеристики его позиции. В этой статье он писал: «Даже заглавие очень подозрительно; человек, который обращается к своему господину, не может озаглавить свои почтительные советы пышным названием «Политическое завещание»¹⁶. Характерными для Вольтера-стилиста были замечания по поводу стиля, который он находил топорным, грубым и архаичным¹⁷. «Завещание» не было соответственно оформлено, не было заверено всеми полагающимися подписями, не получило широкой огласки, следовательно, подложно — таков ход рассуждений Вольтера. По его мнению, содержание «Политического завещания» совершенно не соответствовало тому, что полагалось писать в такого рода сочинениях. Вольтер считал, что кардинал прежде всего должен был раскрыть государственные секреты, показать «все величие и смелость своего гения»¹⁸. Его возмущал тот факт, что в этом сочинении речь идет об университетах, коллежах, доходах Сент-Шапель¹⁹, но нет ни слова о переговорах со Швецией, с герцогом Веймарским и другими иностранными государями в связи с борьбой против Габсбургов²⁰. Вольтер отметил также отсутствие в «Завещании» упоминания о королеве, о брате короля, который плел интриги против Ришелье, о других врагах, с которыми кардиналу приходилось вести борьбу, о французских протестантах и даже о самом короле. В заключение Вольтер писал: «Вся книга в действительности является скорее критикой правления кардинала, чем рассказом о его деятельности»²¹.

Статья «О напечатанных подделках» вызвала интерес в научных кругах. Наиболее серьезную оппозицию Вольтер встретил со стороны Леона Менара, члена Академии надписей и Академий в Лионе и Марселе, известного своими работами по истории города Нима²².

Почти одновременно со статьей Менара²³ была опубликована работа Этьена Фонсеманя, получившая широкую известность и наиболее часто цитируемая в литературе. Этьен Лорео де Фонсемань (1694—1779), член Академии надписей и Французской академии, эрудит, много занимавшийся историей Франции и ее источниками, выступил с возражениями знаменитому писателю²⁴. Хорошее знание письменного наследия Ришелье позволило Фонсеманю предвосхитить некоторые позднейшие вы-

¹⁴ V o l t a i r e. Des mensonges imprimés et du testament politique du cardinal de Richelieu. — Oeuvres, v. XXIII, p. 427—456. В 1750 г. статья была дополнена новым разделом: «Raisons de croire que le livre intitulé Testament politique du cardinal de Richelieu est un ouvrage supposé».

¹⁵ «Recueil des testaments politiques du cardinal de Richelieu, du duc de Lorraine, de M. Colbert, et de M. de Louvois», Т. 1—4. Amsterdam [Paris], 1749.

¹⁶ V o l t a i r e. Oeuvres, v. XXIII, p. 443. Эта мысль Вольтера имела основания. Заголовок «Политического завещания», обращенного к королю, был дан тексту издателем Дебордом, а не самим Ришелье.

¹⁷ V o l t a i r e. Oeuvres, v. XXIII, p. 450.

¹⁸ Ibid., p. 445.

¹⁹ Ришелье оспаривает претензии Сент-Шапель на временные доходы со всех вакантных епископств Франции.

²⁰ V o l t a i r e. Oeuvres, v. XXIII, p. 446.

²¹ Ibid., p. 452.

²² L. M é n a r d. Histoire civile, ecclésiastique et littéraire de la ville de Nîmes. 7 vol. Paris, 1750—1758.

²³ L. M é n a r d. Réfutation du sentiment de M. de Voltaire qui traite d'ouvrage supposé de «Testament politique» du cardinal de Richelieu. [S. l.], 1750.

²⁴ E.-L. F o n s e m a n e. Lettre sur le Testament politique du cardinal de Richelieu. [S. l.], 1750.

воды археографии; многие его наблюдения и гипотезы впоследствии подтвердились.

Полемизируя с Вольтером, Фонсемань утверждал, что «Политическое завещание» не могло быть подлогом ни издателя, который хотел «обеспечить быстрый сбыт книги», ни какого-либо автора, ибо квалификация фальсификатора должна была быть очень высокой для того, чтобы составить такое произведение²⁵. Фонсемань подметил, что многие мысли, рассеянные в «Политическом завещании», совпадали с бесспорными высказываниями Ришелье²⁶. Факт опубликования «Политического завещания» через 46 лет после смерти Ришелье сам по себе не мог служить доказательством подделки; ведь мемуары де Ретца и других деятелей также появились спустя много лет после их смерти²⁷. Отмеченные Вольтером недостатки в отношении стиля — слишком частое использование сравнений из физики, преувеличения и метафоры Фонсемань считает «печатью века» и видит в них подтверждение авторства Ришелье²⁸.

Знакомство с рукописными материалами Ришелье из архива министерства иностранных дел позволило Фонсеманю выдвинуть предположение, что план «Политического завещания» был составлен еще в 1633—1634 гг., т. е. задолго до его написания²⁹. Отдельные части были написаны в разное время, а все произведение в целом осталось незаконченным и неотредактированным³⁰. Заметим, что Вольтер, напротив, считал «Политическое завещание» вполне законченным произведением, в котором имелось все «вплоть до посвящения и оглавления»³¹. Большую осведомленность Фонсемань проявил в вопросе о рукописных копиях «Завещания». На основании обнаруженных им и известных ему копий Фонсемань выдвинул предположение о вероятности наличия гораздо большего их числа³².

Вольтер ответил на «Письмо» Фонсеманя лишь через 14 лет. В ряде работ он повторял свои возражения против авторства Ришелье, но до 1764 г. нигде открыто не полемировал с Фонсеманем, хотя некоторые его замечания носили характер скрытой полемики.

В связи с этим особый интерес приобретают пометы Вольтера на экземпляре «Письма» Фонсеманя, хранящегося в его личной библиотеке³³. Известно, что в трудах и переписке Вольтер обычно формулировал мысли не в такой категорической форме, как в пометах на полях книг, где он мог дать волю своим чувствам³⁴. Так восторженное и признательное отношение к Фонсеманю, выраженное Вольтером в личных письмах, сменяется грубой бранью на полях экземпляра «Письма» из его собственной библиотеки³⁵. И в данном случае пометы в основном совпадают с аргументами, определившимися у Вольтера к этому времени, но только выражены они были более решительно и резко.

По поводу замечания Фонсеманя о том, что одна из рукописных копий «Политического завещания» была передана Людовику XIII, а другая — г-же д'Эгийон, Вольтер делает следующую запись: «Никакого упомина-

²⁵ E.-L. F o n s e m a g n e. Op. cit., p. 73

²⁶ Ibid., p. 67.

²⁷ Ibid., p. 7.

²⁸ Ibid., p. 79—80.

²⁹ Ibid., p. 85.

³⁰ Ibid., p. 79.

³¹ V o l t a i r e. Oeuvres, v. XXIII, p. 444.

³² E.-L. F o n s e m a g n e. Op. cit., p. 5—6.

³³ «Библиотека Вольтера». Каталог книг. М.—Л., 1961, № 1356. Пометы Вольтера находятся на полях первого издания «Письма» Фонсеманя (1750).

³⁴ В. С. Л ю б л и н с к и й. Маргиналии Вольтера. В сб.: «Вольтер. Статьи и материалы». Л., 1947, стр. 121—122.

³⁵ V o l t a i r e. Oeuvres, v. XXXVII, p. 351; v. L. p. 301. Письмо д'Аржанталю в связи с замечаниями Фонсеманя о «Веке Людовика XIV» от 25.XII 1751 г. и графу Понбер от 2.XI 1777 г.

ния ни в одном из журналов о том, что эта рукопись была представлена Людовику XIII, никакого известия об этой рукописи в течение 30 лет»³⁶.

Фонсемань доказывал, что в первой половине XVII в. литературный стиль не был еще выработан. Вольтер отмечает: «Как! нельзя узнать стиль Маро, Монтеня, Рабле, Кёфотто, Малерба, и особенно Бальзака — современника Ришелье?»³⁷.

Фонсемань расценивал финансовый проект Ришелье как реальный поскольку многие из содержащихся там предложений были еще ранее превращены в жизнь Сюлли, а вопрос о фонде бесконтрольных расходов («comptans») ³⁸, по его мнению, выдает авторство Ришелье. Вольтер пишет на полях: «Именно ты доказываешь, что всякий первый министр хочет распоряжаться фондом comptans»³⁹.

Подпись Ришелье в «Политическом завещании», которую Вольтер считал непохожей на обычную, Фонсемань объяснил вставкой в копии. Вольтер замечает: «Почему не [добавлением] фальсификатора?»⁴⁰. Дату заключения мира, указанную в «Политическом завещании», Фонсемань также объяснял тем, что копиист вписал ее в заглавие первой главы. Вольтер возражает: «Ах мой друг! ты вынужден много рассуждать, выдвигать предположения, рисковать и в этом чувствуется твоя слабая позиция»⁴¹. Фонсемань подметил, что в Сорбоннской рукописной копии в заглавие первой главы не включена фраза о мире. Вольтер тут же написал на полях: «Это доказывает, что имеется и менее нелепая рукопись»⁴².

По поводу объяснения Фонсеманем слов «raucge prince» как «жалкий, невезучий государь», Вольтер пишет: «А ты — жалкий резонер»⁴³. Ссылку Фонсеманя на «Journal du cardinal de Richelieu» Вольтер сопроводил замечаниями: «Книга сожжена рукой палача», и «сожжена палачом»⁴⁴. Объяснение Фонсеманем технического термина «au denier cinq»⁴⁵ Вольтер считает «забавной защитой»⁴⁶ [подлинности «Политического завещания»].

Сравнения, применяемые в «Политическом завещании», Фонсемань объяснял «заимствованиями из физики, характерными для времени правления кардинала». Он отмечал, что кардинала Берию сравнивали с огнем, Дю Перрона — с морем, Кёфотто — с воздухом, Дю Вера — с землей. Вольтер добавляет: «А тебя с треском»⁴⁷.

С 1749 по 1764 г. Вольтер неоднократно возвращался к тезису о подложности «Политического завещания». В «Веке Людовика XIV»⁴⁸, в «Опыте о нравах и духе народов»⁴⁹, в «Философском словаре»⁵⁰, в полемическом романе «Человек с сорока эю»⁵¹, в «Истории Парижского пар-

³⁶ «nulle mention dans aucun mercure que ce mss ait été présenté a l 13 nulle connaissance de ce mss pendant 30 ans. (ведь сохраняется орфография оригинала).

³⁷ «quoy! on ne reconait pas le stile de marot, de montagne de rabelais de coefftau de malherbe de balzac surtout contemporain de Richelieu?»

³⁸ «comptans» — секретные суммы, не проходившие регистрации в казначействе и покрывавшие расходы, связанные с получением секретной информации, с подкупными разными лиц и т. п.

³⁹ «et oui. tu prouves que tout 1er ministre veut disposer du comptans».

⁴⁰ «pourquoi pas du faussaire?»

⁴¹ «ah mon ami tu es obligé de discourir beaucoup de conjecturer de hazarder cela sent bien sa mauvaise cause».

⁴² «cela prouve qu'il y a un mss moins impertinent que l'autre».

⁴³ «et toy le pauvre raisonneur».

⁴⁴ «livre brûlé par la main du bourreau», «brûlé par le bourreau».

⁴⁵ Слово «denier» в XVI — XVII вв. нередко применялось для обозначения процента. Например, «au denier 6» — равно 1/6 от ста, т. е. 16,6%, и т. д.

⁴⁶ «plaisante deffense!»

⁴⁷ «et toy a du bruit».

⁴⁸ V o l t a i r e. Siècle de Louis XIV.— Oeuvres, v. XIV, p. 122.

⁴⁹ V o l t a i r e. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations.— Oeuvres, v. XII, p. 587—589.

⁵⁰ V o l t a i r e. Dictionnaire philosophique.— Oeuvres, v. XVII, p. 210—211.

⁵¹ V o l t a i r e. L'Homme aux quarante écus.— Oeuvres, v. XXI, p. 328.

ламент»⁵² — всюду Вольтер приводил «Политическое завещание» как пример наиболее яркой фальсификации исторического источника.

Выход в свет нового издания «Политического завещания», подготовленного королевским цензором Клодом Мареном и Фонсеманем⁵³, был для Вольтера поводом к написанию статьи «Новые сомнения»⁵⁴. В декабре 1764 г. — январе 1765 г. появилась анонимная статья «Арбитраж между г. Вольтером и г. Фонсеманем»⁵⁵. Современники сразу узнали в авторе Вольтера⁵⁶. В обширной переписке последующих лет Вольтер пытался убедить своих многочисленных корреспондентов в подложности «Политического завещания», но публичная полемика в 1765 г. прекратилась.

В течение четырех десятилетий Вольтер упорно отвергал всякую мысль о подлинности «Политического завещания» Ришелье. Иногда позицию Вольтера объясняли его настойчивостью, граничащей с упрямством, либо завистью к «гениям великого века»⁵⁷. Ведь сам Вольтер писал в 1764 г. Дамильавиллю: «Для меня было бы негоже отказываться в конце жизни от мнения, которого я придерживался в течение тридцати лет»⁵⁸. Действительно упорство и постоянство нападок Вольтера вызывали насмешки даже его друзей.

Но дело было, конечно, не только в упрямстве Вольтера, не желавшего признавать свою ошибку, а в слабости доводов его противников. Фонсемань, как и Вольтер, не смог объяснить содержания «Политического завещания» и приведенных в нем проектов, т. е. защитить его подлинность и значение как исторического источника. В этом сказался основной недостаток историков XVIII в., лишенных источниковедческой подготовки, которая позволила бы раскрыть и исчерпать до конца смысл и содержание исторического источника⁵⁹.

Некоторые исследователи придают большое значение влиянию на Вольтера Обри. Но ведь к Обри-историку Вольтер относился скептически, называя его произведения «весьма средними». На титульном листке книги Обри⁶⁰, хранящейся в его библиотеке, Вольтер иронически отметил после титула автора — адвокат Парижского парламента и королевских советов: «Который проиграет процесс своего господина»⁶¹. В письме к Никола Тьерю Вольтер писал: «Я знаю, что Обри — посредственный писатель и трусливый лстец, но он хорошо образован и прекрасно знает, что «Политическое завещание» не принадлежало великому и злому человеку, которому его приписывали»⁶². Вероятно, именно это единомыслие и заставляло Вольтера постоянно ссылаться на авторитет Обри в своей критике «Политического завещания».

Знакомство с книгами, в которых содержались упоминания и оценка «Политического завещания», бесспорно, оказало влияние на Вольтера.

⁵² *Voltaire. Histoire du parlement de Paris. — Oeuvres, v. XV, p. 561.*

⁵³ *Richelieu. Maximes d'Etat, ou Testament politique d'Armand du Plessis, cardinal duc de Richelieu. Paris, 1764.*

⁵⁴ *Voltaire. Doutes nouveaux sur le testament attribué au cardinal de Richelieu [Genève], [1764]; Nouveaux doutes sur l'authenticité du Testament attribué au cardinal de Richelieu et sur les remarques de M. de Foncemagne. Genève, 1765. — Oeuvres, v. XXV, p. 277—306.*

⁵⁵ *Arbitrage entre M. de Voltaire et M. de Foncemagne, [1765]. — Voltaire. Oeuvres, v. XXV, p. 321—324.*

⁵⁶ *Bachauumont. Mémoires secrètes pour servir à l'histoire de la république des lettres en France, depuis 1762 jusqu'à nos jours, t. II. Paris, 1777, p. 105, 141.*

⁵⁷ *A. Hiver de Beauvoire. De livres décriés. — «Bulletin du bouquiniste». Paris, 1857, p. 214.*

⁵⁸ *Voltaire. Oeuvres, v. XLIII, p. 382.*

⁵⁹ *А. Д. Ляблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 10.*

⁶⁰ *A. Auberu. Des justes prétentions du roy sur l'Empire. [S. I.], 1667.*

⁶¹ «lequel fera perdre le procès à son maitre».

⁶² *Voltaire. Oeuvres, v. XXXIX, p. 216.*

Ему были известны труды Обри, д'Аргона, Ленгле Дюфренуа, Лелона, Лабрюйера, Левассора, Монгескье, хранившиеся в его личной библиотеке. Многочисленные пометы, отчеркивания и подчеркивания отдельных слов в тексте и на полях, закладки и другие «знаки чтения» Вольтера свидетельствуют о пристальном внимании к содержащимся в этих произведениях мнениям о «Политическом завещании». Однако Вольтер отбирал из этой литературы только аргументы в пользу подложности «Политического завещания».

Важным обстоятельством, определившим критическое отношение Вольтера к «Политическому завещанию» Ришелье, было появление во Франции в XVIII в. огромного числа литературных, публицистических и исторических подделок. Мнимые мемуары, переводы, воспоминания, записки, военные истории и дневники наводнили книжный рынок. Вольтер писал, что все эти книги могли бы составить «огромную библиотеку, в которой не было бы и десяти страниц правды»⁶³. Известно, что в это время во Франции сложилась своеобразная «мода» на «Политические завещания», которая диктовалась не только повышенным спросом на книжном рынке, но и политическими причинами. Некоторые произведения антиправительственного характера — памфлеты, подпольные издания, выходившие во Франции, Голландии, Англии, — специально маскировались авторами и издателями под видом «Политических завещаний»⁶⁴. Вольтеру были известны такие литературные подделки, как завещание маршала Бельиля, написанное Шеврие, мнимые мемуары д'Арганьяна, графа де Рошфора, Кольбера и Лувуа, созданные Сандра де Куртилем, и многие другие. Об этом свидетельствуют не только ссылки в статьях и сочинениях Вольтера, но и пометы на полях книг его библиотеки, хранящей довольно полную подборку мемуарной литературы XVII — XVIII вв.

Одним из основных факторов, объясняющих позицию Вольтера в вопросе о подлинности «Политического завещания», является его концепция истории Франции времени правления Ришелье и отношение к личности кардинала. В его изложении вся история в этот период сводилась к придворным интригам, заговорам, сварам в королевской семье между Людовиком XIII, Анной Австрийской, Гастоном Орлеанским и Марией Медичи. Героем Вольтера был Генрих IV, а Ришелье он считал деспотом, некоронованным «королем-министром», который по своей воле управлял страной⁶⁵. «Ясно, что правление кардинала Ришелье было и порочным и тираническим», «парламент потерял при Ришелье все свои прерогативы», — так оценивал Вольтер деятельность всемогущего министра⁶⁶. Ришелье в его изображении — это мстительный тиран, убийца, окруженный всеобщей ненавистью. Бастилия была при нем всегда полна, «все королевство роптало, но никто не осмеливался поднять голос»⁶⁷.

В письме Вольтера к секретарю французского посольства в Женеве певичалье де Толес мы находим следующую оценку Ришелье: «Что касается кардинала Ришелье, то клянусь Вам, что я не питаю никакой нежности к этому королю-министру. Я думаю, что он был скорее удачлив, чем умен, и столь же жесток, сколь счастлив... Горести, тревоги, опасения ожесточили его кровь... То, что составляло его величие, сократило его дни. Даю Вам честное слово, что если бы я жил при нем, я покинул бы Францию как можно скорее»⁶⁸.

⁶³ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIII, p. 435.

⁶⁴ Л. С. Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.). — «Французский ежегодник. 1959». М., 1961, стр. 101—102.

⁶⁵ *Voltaire. Essai sur les moeurs...* — *Oeuvres*, v. XIII, p. 16—17.

⁶⁶ *Voltaire. Histoire du parlement de Paris.* — *Oeuvres*, v. XVI, p. 34.

⁶⁷ *Voltaire. Oeuvres*, v. XIII, p. 17.

⁶⁸ *Voltaire. Oeuvres*, v. XLV, p. 560.

Однако энциклопедисты, оценка которыми правления и личности кардинала Ришелье совпадала с мнением Вольтера, признавали подлинность «Политического завещания». Наиболее обстоятельно и четко позиция энциклопедистов выражена в «Литературной переписке» Гримма, Дидро, Рейналя и др.⁶⁹ По их мнению, Ришелье был великим министром, но не великим государственным деятелем, человеком чрезвычайно сильного, деспотичного и властного характера, у которого было «мало ума и еще меньше познаний», «просвещенности» (*lumière*s)⁷⁰. Помимо всего, этот «великий министр был пустым и жестоким дураком», «несмотря на свои успехи, Ришелье совсем неинтересен, его репутация и память никогда никому не будут дороги»⁷¹. И все же, несмотря на такую оценку личности Ришелье, общий вывод заключался в том, что «Политическое завещание» можно и нужно считать подлинным произведением, «идеи, стиль и язык которого полностью согласуются с идеями, духом и языком его века»⁷².

Отношение Монтескье к кардиналу Ришелье не многим отличалось от взглядов энциклопедистов. Он называл его честолюбцем и завистником, «человеком, ревнивым даже к средним талантам», «властвовавшим над умами, но не над сердцами людей»⁷³. Тем не менее, как и все просветители, Монтескье отмечал «гений кардинала» и «величие его дел»⁷⁴. По отношению к «Политическому завещанию» Ришелье позиция Монтескье не отличалась ни последовательностью, ни самостоятельностью. Вначале Монтескье рассматривал «Политическое завещание» как одно из «лучших произведений этого жанра», видел в нем «ум» и «душу» кардинала Ришелье⁷⁵. В дальнейшем он утверждал, что «Завещание», будучи само по себе оригинальным произведением, вызвало к жизни прочие подражания, такие, как явно «вымышленные «Завещания» Лувуа и Кольбера»⁷⁶. В примечании к своему труду «О духе законов» Монтескье писал, что «Политическое завещание» было составлено Бурзеем по приказу, по идеям и «под наблюдением» кардинала Ришелье⁷⁷.

Наиболее непримиримая (по сравнению с другими просветителями) позиция Вольтера в отношении к «Завещанию» Ришелье, несомненно, связана с его враждой к абсолютизму, который он характеризовал как дурной образ правления, особенно при кардинале. Живший в период углубляющегося кризиса абсолютной монархии, Вольтер не был объективен в оценке его прогрессивного этапа. Он подходил к «Политическому завещанию» с позиций общественного деятеля, убежденного в необходимости борьбы с идеологией абсолютизма, пронизывающей это сочинение. В этом заключалось острое, публицистическое звучание его критики, которая находила широкий отклик. Однако такой подход в значительной степени закрывал для Вольтера возможность всесторонней и объективной оценки исторического источника.

Несмотря на общую неверную оценку «Политического завещания», критика Вольтера содержала некоторые верные догадки и наблюдения над особенностями этого исторического источника. В заслугу Вольтеру можно поставить то, что он правильно подметил необычную форму «Политического завещания» и несколько случайный подбор рассмотренных в нем вопросов. Критика Вольтера затрагивала исторические проблемы поло-

⁶⁹ Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister etc., t. VI. Paris, 1878, p. 150.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibidem.

⁷² Ibid., p. 151.

⁷³ Ch. M o n t e s q u i e u. Cahiers (1716—1755). Textes recueillis et présentées par Bernard Grasset. Paris, 1941, p. 155.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ Ibid., p. 156.

⁷⁶ Ibid., p. 156—157.

⁷⁷ Ch. M o n t e s q u i e u. De l'esprit des loix, v. I. Leyde, 1749, p. 26.

жения сословий, парламентов, продажности должностей и т. д. Характерно, что даже в наши дни в работах, посвященных «Политическому завещанию» Ришелье, нет ответа на многие из вопросов, поставленных Вольтером.

Полемика о подлинности «Политического завещания» продолжается до настоящего времени. Большинство французских историков — Авенель, Аното, Озе, Фаньез, Делюш, Батиффоль — склонны были признать абсолютную подлинность этого произведения. «Нет факта, более твердо установленного, чем подлинность «Политического завещания», — писал один из крупнейших специалистов по истории Франции XVII в., Ролан Мунье⁷⁸. Однако такие историки, как Эсмонен, Питон, Энгель, не оспаривая подлинности «Политического завещания», отмечают, что имеются еще проблемы, которые требуют дальнейшего систематического изучения. С этим утверждением трудно не согласиться. Несомненно, перед историками стоит задача глубже проанализировать «Политическое завещание» Ришелье и оценить этот источник как подлинный памятник политической мысли Франции XVII в.

⁷⁸ R. Mousnier. Op. cit., p. 56.

* Nous avons partout conservé l'orthographe de l'original.

В с е м а т е р и а л ы о В о л ь т е р е
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

и з н е д а в н и х в е б - п у б л и к а ц и й

И.Сиволап-Кафтанова. Вольтер о революционных движениях XVII-XVIII вв.
Л.Тренар. Социально-экономические концепции Вольтера
Е.Кулябко, В.Соколова. Источники вольтеровской «Истории Петра»
И.Сиволап. Радищев и Вольтер
Л.Альбина. Вольтер читатель «Энциклопедии»
Л.Альбина. Вольтер в работе над «Опытом о правах и духе народов»
Л.Гордон. Вольтер читатель Бейля и Неккера